**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-18

УДК 39:316.7+332.1

Перевалова Е.В. *, Киссер Т.С.

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru (Перевалова Е.В.); tkisser@bk.ru (Киссер Т.С.)

КОЛГУЕВСКИЕ НЕНЦЫ: ОСТРОВНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И КРИЗИС ОЛЕНЕВОДСТВА

Колгуевские ненцы — обособленная группа, сформировавшаяся в результате миграций с материка на остров во второй половине XVIII — XIX в. Их история и культура тесно связаны с оленеводством. Поморско-самоедскую колонизацию о. Колгуева, где хозяевами моря выступали поморы, а хозяевами тундр — самоеды, можно назвать взаимовыгодным «партнерским» освоением. Хозяйственно-экономические трансформации советского и постсоветского периодов способствовали укреплению островного менталитета колгуевских ненцев. Массовый падеж оленей в 2014 г. продемонстрировал уязвимость традиционного хозяйства и устойчивость островной культуры. С одной стороны, кризис привел к усилению «осадного сознания» и недоверия к внешнему миру (бытование мнения о намеренной потраве оленей), с другой — к переосмыслению роли оленеводства и поиску новых форм хозяйствования (создание КФХ «Ңэрм» и СРО «Салды»). Ментальность колгуевских ненцев характеризуется замкнутостью и консерватизмом, привязанностью к родной земле («страх потерять свой остров»), особым отношением к оленям («остров без оленей — пустыня»), высокой степенью взаимозависимости группы и ее зависимости от внешнего мира. В условиях ограничения доступа к ресурсам семья играет ключевую роль в обеспечении безопасности, вместе с тем остро проявляются «клановые» разногласия и противоречия между тундрой (оленеводами) и поселком (жителями Бугрино).

Ключевые слова: ненцы (самоеды), остров Колгуев, оленеводство, ментальность, традиция.

Ссылка на публикацию: Перевалова Е.В., Киссер Т.С. Колгуевские ненцы: островная ментальность и кризис оленеводства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 206–217. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-18

Введение

Арктические острова представляют собой уникальные территории формирования адаптационных стратегий коренных народов Севера. Островная изоляция, ограниченность ресурсов и особые природно-климатические условия способствуют возникновению локальных вариантов традиционных культур, которые демонстрируют устойчивость даже в условиях кризисов. Остров Колгуев в этом отношении представляет особый интерес как пример территории, где относительно недавно (во второй половине XVIII — XIX в.) сформировалась обособленная группа ненцев — *холӈгов ненэча*, чья идентичность и хозяйственные практики складывались и развивались в специфических островных условиях.

Административно Колгуев относится к Ненецкому автономному округу. Площадь 3728 км^2; меридиональная протяженность около 100 км, широтная — около 60 км. Остров отделен от материка незамерзающим Поморским проливом, расстояние до береговой полосы 60–100 км. Колгуев расположен в самой мелководной части Баренцева моря, со всех сторон окружен песчаными мелями («кошками»). Остров не имеет удобных бухт, устья рек мелководны, что осложняет подход к нему морских судов. Теплое атлантическое течение и скопление льдов определяют природно-климатическую специфику Колгуева — его называют «островом туманов» [Перфильев, 1928а, с. 3] и островом, «запертым льдами», отсюда у него нелестная репутация «скверного» [Шульга, 1909, с. 37], «негостеприимного» и «пагубного» места среди путешественников и мореплавателей [Максимов, 1984, с. 449]. Несмотря на значительный интерес исследователей к истории и культуре Колгуева [Лепехин, 1805; Тревор-Бетти, 1897; Перфильев, 1928а, 1928b; Солнцев, 1938; Хомич, 1966; Карапетова, 1990; Подэкрат, 2018; Давыдов, 2006; и др.], социокультурные трансформации и ментальность колгуевских ненцев остаются малоизученным аспектом.

Цель данной статьи — анализ социокультурной адаптации колгуевских ненцев к кризисным явлениям в контексте островной ментальности и исторически сложившихся практик природо-

* Corresponding author.

пользования, включая трансформацию хозяйственно-экономических стратегий, переосмысление традиционных ценностей и изменение внутригрупповых отношений в условиях ограниченности ресурсов и географической изоляции.

Методологически исследование опирается на концептуальные разработки А.В. Головнева: «антропология движения» [2009] дает возможность представить исторический путь колгуевских ненцев как динамичный адаптационный процесс, где мобильность становится механизмом социокультурной трансформации; «феномен колонизации» [2015] позволяет выявить особенности «партнерской» поморско-самоедской модели освоения острова; «северность России» [2022], как особый тип цивилизационного развития, где ключевую роль играют адаптивные стратегии, ведет к пониманию островной ментальности колгуевских ненцев как устойчивого элемента локального варианта арктической культуры. Источниковую базу составляют полевые материалы авторов (август 2024 г.), включающие серию глубинных интервью с оленеводами и жителями о. Колгуев, архивные документы и опубликованные историко-этнографические исследования.

Холӈгов ненэча

Остров Колгуев (уст. Калгуев, нен. Холӈгов), упоминаемый в «Книге Большому чертежу», был хорошо известен поморам с середины XVI в. Однако долгое время он оставался необитаем[1]. В отличие от западноевропейских мореплавателей русское старожильческое население (мезенцы, пустозерцы, двиняне) считало Колгуев «не погибельным», а вполне «гостеприимным» местом — своей промысловой вотчиной [Максимов, 1984, с. 447–450]. По данным И.И. Лепехина и Н.Я. Озерецковского, промышленники и купцы ежегодно на трех-четырех карбасах приезжали на остров в летний период для охоты на линную птицу [Лепехин, 1805, с. 195–196]. Птицы здесь было настолько много, что ее добывали тысячами, устраивая облавы во время линьки и запасая в огромных количествах соленое мясо, гусиный, гагачий и лебяжий пух, перо и кожухи [Тревор-Бетти, 1897, с. 135–140, 146, 178; Козмин, 1913, с. 4–5].

На колгуевские птицеловные промыслы русские промышленники брали самоедов с материка. Некоторые из них оставались зимовать, занимаясь добычей морского зверя, дикого оленя и пушного зверя. В 1767 г. мезенский купец Иван Котин вместо вымерших по неизвестной причине диких оленей завез на остров домашних, для выпаса которых были наняты два самоеда [Лепехин, 1805, с. 194–196]. Целью переселения самоедов была необходимость снабжения прибывавших артельщиков пропитанием и транспортом, доставка и погрузка продукции промыслов на суда. Природные условия острова, прежде всего «морской арктический» климат и сплошная зона тундр, способствовали быстрому развитию оленеводства. Так сложился вариант поморско-самоедской островной колонизации, где хозяевами моря выступали поморы, а хозяевами тундр — самоеды; «партнерское» освоение было взаимовыгодным (см.: [Головнев, 2015, с. 370–420]).

Активная промыслово-оленеводческая колонизация Колгуева привела к формированию обособленной локально-территориальной (островной) группы — *холӈгов ненэча* (колгуевские ненцев). По наблюдениям Ф.П. Литке во время его третьего плавания на Новую Землю (1823), на Колгуеве постоянно проживали «несколько семей самоедов, надзирающих за стадами оленей, принадлежащих… мезенским купцам». Гнездующиеся на острове «великие стада разных пролетных птиц» (гуси, лебеди) и «изобилие рыб в реках и озерах (кумжа, гольцы, омули, сиги)» заметно расширяли их пищевой рацион. Хотя остров совершенно безлесый, «выкидного» (проносимого морем) леса хватало для отапливания жилищ и прочих хозяйственных нужд [Литке, 1948, с. 244].

Складывалась и увеличивалась в численности колгуевская группа самоедов, переселившаяся на остров «на правах оленных пастухов по найму» и частично «по доброй воле», за счет как естественного прироста [Максимов, 1984, с. 450], так и притока мигрантов с материка. В 1841 г. на острове кочевало более 60 чел. [Saweliew, 1852, с. 317]. В 1852 г. здесь числилось 105 самоедов, в основном это были переселенцы из Канинской, Тиманской и Большеземельской тундр [Васильев, 1979, с. 143]. В 1900 г. на острове насчитывалось 70 самоедов, в 1902 г. — около 80 [Есипов, 1933, с. 91], а в 1912 — уже 172 (85 муж., 87 жен.); помимо самоедов на острове жили «оседло два чума зырян, в количестве 10 человек» [Козмин, 1913, с. 3].

В XIX в. монополия в промыслах и торговле с колгуевскими самоедами находилась в руках нескольких кланов мезенцев, пустозерцев, печорцев. В начале XX в. только две самоедские

[1] Первыми поселенцами на Колгуеве были раскольники. Опыт их пребывания на острове был неудачен: обосновавшаяся в 1767 г. в устье р. Гусиная раскольничья община смогла продержаться, по разным источникам, от одной до нескольких зим; почти все ее члены умерли от цинги [Лепехин, 1805, с. 194; Литке, 1948, с. 244; Максимов, 1984, с. 449; Солнцев, 1934, с. 211–212; и др.].

семьи вели «свободную меновую торговлю» с промышленниками, остальные находились в зависимости от последних, выпасали их оленьи стада и промышляли для них зверя (нерпу, песца, лисицу, белого медведя, водоплавающую птицу), получая взамен все необходимое для зимовки — муку, соль, чай, сукно, ситец, металлические изделия, порох, свинец, водку [Латкин, 1853, с. 44–45; Шульга, 1909, с. 45–47, 63–64]. Если последних сюда влекла возможность получения хорошего дохода, то самоедов, основным занятием которых стало оленеводство, удерживало богатство оленьих пастбищ и отсутствие хищников. Сложившаяся русско-самодийская хозяйственно-экономическая система Колгуева представляла «уникальный опыт освоения Арктики» двумя народами [Давыдов, 2006, с. 41–44]. «Жители острова» были «разделены» между «ходальщиками», у которых они находились «в полной зависимости», чему способствовали система кредитования и завоз на остров спиртных напитков [Жилинский, 1919, с. 195]. Цены на товары были высокими, так как конкуренции между торговцами не было: «у каждого торговца» — «свой покупатель», именуемый «задатчиком»; торговцев же самоеды называли «хозяевами» [Козмин, 1913, с. 4]. Немалую роль в складывании зависимости играли устойчивые личные связи: потеря хозяина (своего «русского») вела к разорению самоеда [Тревор-Бетти, 1897, с. 183; Максимов, 1984, с. 451].

Судя по карте английского путешественника-натуралиста О. Тревор-Бетти, побывавшего на острове летом 1894 г., земли Колгуева были распределены между самоедами на пять «округов». При этом большая часть оленьего поголовья острова принадлежала русским промышленникам и купцам [Тревор-Бетти, 1897, с. 178, 185–188, 192–193, 200–201]. Их доход от забоя оленей намного превышал доход от других промыслов [Козмин, 1913, с. 4–5].

Численность поголовья оленей на Колгуеве во второй половине XIX — начале XIX в. была подвержена резким колебаниям: названный максимум составлял 22–25 тыс., минимум — 2,7–5 тыс. голов [Подэкрат, 2018, с. 34–35]. Такие скачки объяснялись погодными катаклизмами и плохим состоянием пастбищ. Особенно губительными были падежи (моры) оленей из-за регулярно случавшихся гололедиц [Тревор-Бетти, 1897, с. 186], когда от бескормицы гибло до 60 % [Есипов, 1933, с. 95] и даже до 80 % поголовья, а у некоторых самоедов не оставалось «ни копыта». По оценкам специалистов, на деградацию «моховых пажитей» (пастбищ) влияли произвольное увеличение самоедами оленьего поголовья и нерегулируемый выпас стад [Козмин, 1913, с. 4, 14].

Советские трансформации

С утверждением в начале 1920-х гг. советской власти административным центром на Колгуеве становится русское становище Бугрино. Численность населения острова растет. Если в 1921 г. на Колгуеве насчитывалось 148 самоедов обоего пола (19 чумов), то к концу 1920-х гг. их численность увеличилась до 207 чел. (28 чумов) [Перфильев, 1928a, с. 5]. В начале 1930-х гг. численность всего проживающего на острове населения составляла 270 чел. [Есипов, 1933, с. 91], из них около 30 русских, остальные — самоеды. Однако среди последних не было ни одной оседлой семьи [Солнцев, 1938, с. 207–208].

Основным занятием коренного населения оставалось кочевое оленеводство. В 1920-х — начале 1930-х гг. на Колгуеве насчитывалось 34 самостоятельных оленеводческих хозяйств. Кроме этого, на острове выпасались стада оленесовхоза, созданного в 1921 г. из реквизированных оленей у пустоозерцев и ижемцев. Принадлежавшее губернскому исполкому стадо последовательно передавалось Госторгу, Комсеверопути и Морзверпрому, Главному управлению Северного морского пути. Хотя вопрос об обобществлении личных стад ставился довольно жестко, вплоть до выселения с острова, колгуевские ненцы не спешили объединяться в коллективные хозяйства [Продэкрат, 2018; с. 44, 45, 51–53]. В 1923–1924 гг. Госторгу принадлежало чуть больше половины островного поголовья (3585 оленей), 23 из 25 ненецких семьей имели личные стада (3155 оленей) [Давыдов, 2006, с. 52]. С установлением советской власти сменилась система выпаса. Вместо ранее существовавших «округов» был законодательно закреплен выпас по всей территории острова с меридианным кочеванием в течение года и сезонным разделением пастбищ [Перфильев, 1928b, с. 78]. Но, в отличие от других территорий, колгуевские оленеводы по-прежнему не дежурили в стадах круглосуточно, а лишь раз в сутки собирали стадо «к чуму»; при свободном режиме выпаса они держали «караульную нарту с запряженной в нее парой оленей», «чтобы в случае необходимости иметь возможность собрать стадо» [Архив МАЭ РАН. Ф. 2, д. 130, л. 11].

По заключениям специалистов 1930-х гг., оптимальное стадо для острова Колгуев составляло 5–6 тыс., а предел определялся в 10–12 тыс. голов. Численность оленей подвергалась природной корректировке. Так, гололедица зимой 1932/33 г. привела к гибели почти 50 % поголовья. Ягельники острова к этому времени были сильно выбиты и потравлены. Выделение

ягельных заповедников в бассейне р. Васькиной и Песчаных сопок не решало проблему [Солнцев, 1938, с. 230, 254; Продэкрат, 2018, с. 40–42, 52–53; Перфильев, 1928b, с. 78]. Кроме оленеводства колгуевские ненцы по-прежнему занимались прибрежным промыслом морского зверя, охотой на линную птицу и куропатку, промыслом песцов и лисиц, добычей рыбы по озерам. В советское время «вывоз дичи с Колгуева не производился» [Есипов, 1933, с. 94–96].

Значительные хозяйственно-экономические трансформации на Колгуеве начались с середины XX в. В 1956 г. на базе промыслово-оленеводческой артели «Красный Север» и торгово-промышленной фактории «Бургино» был создан оленеводческий совхоз «Колгуевский» (центральная усадьба в п. Бугрино). В совхоз вступило два хозяйства (39 чел.) с поголовьем в 2,5 тыс. оленей. В 1958 г. в совхозе работало 44 чел., стадо увеличилось до 3,1 тыс. К 1970 г. совхозное стадо насчитывало уже 7,36 тыс. голов [АО АА НАО. Ф. № Р-112, оп. 1, д. 4, л. 11–17 об.; д. 7, л. 1; д. 8, л. 1; д. 9, л. 19 об.; д. 34, л. 1].

В 1987 г. при численности совхозного стада в 6,1 тыс. голов (после отела — 9 тыс.) ощущалась перегруженность пастбищ. В традиционных отраслях было занято 30 чел.: 28 оленеводов и чумработниц, 2 промысловика морского зверя. Стадо выпасали две оленеводческих бригады. Одна занимала западную, вторая — восточную часть острова. Оленеводы круглый год проводили в тундре, совершая перекочевки от северной оконечности острова (лето) к южной (зима), в отличие материковых, чьи летние пастбища находились на севере, около моря, а зимние — на юге, в лесах. В обеих бригадах практиковалось семейное кочевание. Ввиду отсутствия хищников, как и в прежние времена, практиковался свободный режим выпаса, т.е. пастухи не дежурили постоянно в стаде, а лишь раз в сутки собирали оленей. Просчет оленей проводился в тундре, забой — в Бугрино. В поселке работала мастерская мехпошива, продукция которой отправлялась в Нарьян-Мар [Карапетова, 1990, с. 248, 251].

Сложившая ситуация была типична для территорий Российской Арктики. Ввиду перевода ненцев на оседлый образ жизни, обучения молодого поколения в интернатах с отрывом от семейных традиций уже к 1970–1980-м гг. колгуевцы усвоили обряды и поведенческие нормы, типичные для советского человека, нормы советской культуры и менталитета [Давыдов, 2006, с. 55–56]. В начале 1970-х гг. на Колгуеве началась нефтеразведка. В 1983 г. на севере острова было открыто Песчаноозерское нефтяное месторождение, а с середины 1980-х развернута опытно-промышленная добыча нефти. Значительная часть отельных пастбищ по реке Песчанке была изъята, построен вахтовый поселок Песчанка, от месторождения до резервуарного парка на северном побережье проведен нефтепровод. Инициированные в конце 1990-х — начале 2000-х гг. программы устойчивого развития оленеводства, создания охраняемой территории природного и культурного наследия, призванные в том числе выстроить взаимовыгодные отношения между оленеводами и недропользователями [Там же, с. 56–58], никаких результатов не дали. С 2016 г. нефтедобычу, хранение и транспортировку сырой нефти на острове осуществляет ЗАО «Арктикнефть». Отношение коренного населения к недропользователям «устойчиво отрицательное», поскольку оленеводы считают, что лучшие пастбищные места находились в зонах нефтедобычи [Михайлова, 2015, с. 148].

Как олени «съели» остров

Советская система оленеводства сохранялась до конца 1990-х гг. С крушением плановой экономики совхоз «Колгуевский», как и многие оленеводческие хозяйства, пришел в упадок: добыча морского зверя была запрещена, организованный сбыт оленпродукции рухнул, процветал обмен продукции промыслов на водку с судами, идущими по трассе Севморпути. Вместе с тем созданный на базе совхоза СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив) «Колгуевский» являлся «градообразующим предприятием» острова. В СПК работало около 60 человек, из которых 20 было занято непосредственно в оленеводстве. Стадо в 10 тыс. для Колгуева по-прежнему определялось «экологически оптимальным»; сохранялась двухбригадная система выпаса [Давыдов, 2006, с. 53].

Островная жизнь наложила определенный отпечаток на схему выпаса оленей, на работу оленеводческих бригад, на процесс организации забойных кампаний и вывоза продукции. В отличие от совхоза, в СПК «Колгуевский» закрепился так называемый вольный выпас оленей. Это было возможно, поскольку остров сам по себе является естественным природным «коралем», откуда «олени не могут убежать» и где они «не могут смешаться с чужими стадами». Более мягкая, чем на материке, зима, прохладное ветреное лето, малое количество хищников, овода и комаров, редкие эпидемические болезни, наличие солей на побережье — олений рай. Колгуевские олени («колгуевская порода») превосходили материковых сородичей по размерам и упитанности.

«...Колгуев — оленье царство. Сам остров маленький, 60 на 90. Сплошная тундра… Климат теплее, от нарьянмарского на 5–10 градусов отличается. Лето всегда туманно и ветрено, а зима влажная, море кругом... Колгуевские олени выше и агрессивнее материковых. Такой генотип еще есть на Канине. На остров-то ненцы с Канина пришли, олени и культура (одежда, шапки) там канинские» [ПМА, Колгуев, 2024].

Постепенно колгуевские оленеводы отказались от традиционных кочевых жилищ. Из-за большой влажности покрышки чумов приходилось постоянно сушить, да и «на чумовой шест-то надо было бревна колоть». По маршруту кочевания появлялись «амбарчики» и «сарайчики» — до десяти стоянок с 2–7 небольшими дощатыми домиками. Благоприятная ситуация позволила СПК «Колгуев» быстро нарастить стадо. Однако в управлении были допущены серьезные просчеты: должного регулирования численности стада не осуществлялось, и контроль за популяцией был утрачен. В марте 2012 г. в СПК насчитывалось 12 тыс. оленей при оленеемкости пастбищ 4–6 тыс. Весной 2013 г. от бескормицы погибло 570 оленей. В период с 26 ноября 2013 г. по 10 февраля 2014 г. было забито 1500 голов, однако это уже не могло исправить ситуацию, и в апреле 2014 г. начался массовый падеж. В конце того же года на Колгуеве оставалось всего 153 оленя (из них 145 — важенки) [Причинами массового падежа…, 2014]). Так за пару лет из-за перевыпаса многотысячное колгуевское стадо было потеряно.

Комиссия по расследованию причин массовой гибели животных установила, что главными причинами чрезвычайной ситуации являлись [Чистякова, 2015]: неблагоприятные погодные условия — гололедица (истощение и гибель оленей в связи с обледенением пастбищ из-за «ледяного дождя»); неправильная организация забойной компании (убойный пункт построен с нарушением технологий, качественный забой производить было невозможно; в целях получения хоть какой-то прибыли на забой гнали обессиленных оленей, большая часть которых пала в пути); некомпетентность руководства СПК и отсутствие профессиональных кадров («не оленеводы, а водители снегоходов, которые ездили в тундру за мясом», так о колгуевцах отзывались их соплеменники с материка); негативная практика бессистемного вольного выпаса и отсутствие регулирования численности поголовья; истощение и деградация пастбищ из-за перевыпаса («попросту олени съели остров»).

«Главная ошибка руководства — свободный выпас. Гуляйте, олени, где хотите. Но, если оленей не держать в руках, т.е. каждый день не сгонять в кучу, осенью их не собрать. Зимние и летние пастбища важно контролировать. Олени выпасались несколько лет на зимних пастбищах и съели все подчистую» [ПМА, Колгуев, 2024].

Однако сами колгуевские оленеводы уверены, что падеж оленей 2014 г. — это «направленная на истребление оленьих стад акция»:

«У нас ведь это не первый гололед. Были времена, когда оленеводы рубили лед, чтобы добыть корм для оленей, но такого падежа не было… Человеческий фактор, т.е. вольный выпуск, допустим. Но буквально до падежа видели странные самолеты. Летали низко, может, что-то распылили. Может, наложилось одно на другое. Но и какая-то химия все-таки в этом деле была!» [ПМА, Колгуев, 2024].

В результате потери оленьего стада СПК «Колгуевский» был ликвидирован. Зарегистрированный новый СПК «Колгуев» был ориентирован на рыбодобычу, сбор ламинарии (морской капусты) и дикоросов, однако продержался недолго.

Колхозно-фермерское хозяйство «Ӆэрм» и семейно-родовая община «Салды»

После падежа оленей и ликвидации СПК «Колгуевский» большинство оленеводов перешли в КФХ «Ӆэрм» (глава Вера Ивановна Варницына) и семейно-родовую общину «Салды» (председатель Инна Николаевна Варницына). Инициатива их создания исходила от главы поселка Бугрино А.Ф. Ледковой. Женщинами, принявшим вызов и ставшими главами оленеводческих хозяйств, во многом руководили личностные мотивы.

«В 2014 г. главой поселка Бугрино стала Ледкова Анастасия Филипповна, наша двоюродная сестра. К тому времени у нас осталось 150 важенок, а хоров-производителей не было совсем. Она мне предложила создать КФХ. Отговаривали все. Но мои братья выросли в тундре, другую работу делать не могут. Вот я и согласилась. И отец выбор одобрил. Он всю жизнь в оленеводстве. Пастбища СПК были переданы нашему КФХ» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

В 2015 г. с подачи А.Ф. Ледковой, пытаясь сохранить отрасль, правительство и департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса НАО завезли с материка на вертолете 14 быков-производителей ненецкой породы (подарок округа на День оленя) [Михневич, 2020].

«В августе 2015 администрацией был организован первый рейс, на котором привезли с материка быков-производителей. С этого все началось. Тогда нам 10 голов передали. Братья поехали в тундру, нашли важенок. Туда и посадили вертолет. В следующем году важенки дали небольшой приплод: только у половины телята родились» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

Рис. 1. Вера и Ольга Варницыны. Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Е.В. Перевалоной.
Fig. 1. Vera and Olga Varnitsyn. Khoi Yar camp, Kolguev Island, 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Рис. 2. Иван Афанасьевич Ваницын, старейшина, бывший бригадир СПК «Колгуевский». Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Т.С. Киссер.
Fig. 2. Ivan Afanasyevich Vanitsyn, elder, former foreman of the Kolguevsky agricultural production complex. Khoy Yar camp, Fr. Kolguev, 2024. Photo by T.S. Kisser.

В 2018 г. с материка во вновь созданные хозяйства были доставлены еще 10 важенок, 10 телят и 12 ездовых быков. Важенок и телят передали КФХ, ездовых оленей — общине. Однако возрождение колгуевского поголовья оказалось делом непростым. С задачей справилось только КФХ. В хозяйстве числятся шесть пастухов, они родственники: три брата Веры Ивановны Варницыной, ее муж и племянник. Вера Ивановна «боевая» и пользуется авторитетом у братьев (рис. 1, 2). Численность небольшого стада у них постепенно увеличивается:

«В 2018-м нам привезли 10 важенок и 10 оленят. Братья распределили их между собой и клеймили. У каждого свое клеймо. Дело потихоньку пошло в гору. Теперь у нас чуть больше ста голов» [ПМА, Колгуев, 2024, О.И. Варницына].

Для выпаса оленеводы КФХ используют пастбища и маршруты бригады № 2 СПК «Колгуевский», в которой работали до падежа. Протяженность маршрута составляет 62 км в одну сторону. По маршруту находятся 10 стационарных стоянок с 2–7 жилыми постройками. Окарауливать стадо и в зимний, и в летний периоды ездят на упряжках и снегоходах (рис. 3, 4). У каждого пастуха по две «упряжки» (обученных ходить в упряжке оленей), по одному-два снегохода и по три-четыре собаки-оленегонки. В осенне-зимний период в КФК практикуется вахтовый метод, в стаде посменно дежурят по 1–2 пастуха. Сначала, когда «только оформили КФХ, дежурили по две недели, но транспорт гонять накладно», смену увеличили до месяца. Зимой, когда олени выпасаются недалеко от поселка, пастухи живут с семьями и ежедневно ездят проверять стадо. Лето семьи оленеводов проводят в тундре. В августе, к школе, женщины, дети и имеющие в поселке работу мужчины возвращаются в Бугрино. Летом 2024 г. в стаде КФХ было 120 оленей. Увеличивать поголовье пытаются за счет стопроцентного сбережения телят. Домашних оленей не забивают даже на еду. Но, как говорят сами оленеводы, «породу колгуевских оленей им уже не возродить», так как ввиду потери всех местных быков-производителей произошла «смена масти» (рис. 5). Знаменитые колгуевские олени, по наблюдениям пастухов, стали мельче и поменяли окрас.

«В 2018-м оленей завезли из семейно-родовой общины “Варк” (Малоземельская тундра). Теперь большинство оленей уже смешанные. Колгуевские олени были крупные, а сейчас — средние. Наверное, таких оленей, что у нас раньше были, уже не будет. Наши были в основном белые, черные, серенькие, теперь масти поменялись. Есть, например, черно-белые, а посередине белые пятна, как рыбьи хвосты. Теперь наши олени больше похожи на коров» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

Доходов у КФХ пока нет, налоги платить нечем. Зарплат пастухи не получают. Семьи оленеводов живут за счет выплат «мнэсок», т.е. 3 тыс. руб. представителям КМНС, ведущим традиционный образ жизни, и детских пособий. Вера Ивановна, ее муж и одна из снох работают в поселке.

У семейно-родовой общины «Салды» дела идут совсем плохо: «они существуют только на бумагах». После падежа общинникам передали упряжных оленей. Начинали работать вахтовым методом: две недели выпасали своими силами, а на две недели отдавали на выпас пастухам крестьянско-фермерского хозяйства (двоюродным братьям). Но осенью они объявили, что «вахту закрывают и оленей распускают». Пастухи КФХ просили не распускать стадо, так как «оленей потом не собрать, оди-

чают». Но переубедить родственников не смогли («глава хозяйства на контакт не пошла»). «Сейчас общинники держат в тундре на привязи всего семь оленей», «своих пастухов нет: один из них ушел на СВО, один устроился на работу в поселке, еще один как-то тоже от этого отошел».

Рис. 3. Кораль. Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Е.В. Переваловой.
Fig. 3. Corral. Khoy Yar camp, Kolguev Island, 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Рис. 4. Отлов оленей на упряжку. Петр Варницын. Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Е.В. Переваловой.
Fig. 4. Reindeer capture for a sled. Petr Varnitsyn. Khoy Yar camp, Kolguyev Island, 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Рис. 5. Смена масти: пятнистые олени в стаде КФХ. Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Е.В. Переваловой.
Fig. 5. Change of color: sika deer in a herd of a peasant farm. Khoy Yar camp, Kolguyev Island, 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Общая беда не объединила оленеводов. Между двумя оленеводческим хозяйствами — КФХ и СРО — усугубился старый конфликт. Раздор между братьями начался еще «во времена совхоза», когда бригадиром первого стада был Егор Афанасьевич Варницын (дядя В.И. Варницыной), а второго — Иван Афанасьевич Варницын (отец В.И. Варницыной). Конкуренция между бригадами вылилась в «агрессивное противостояние», вплоть до болезненного восприятия победы в гонках на оленях на Дне оленя, отказа от чаепития во время отбора прибившихся к чужому стаду оленей, а ныне — от выплаты налога на землю (пастбища).

КФХ, считают оленеводы, не выгодная для них форма хозяйствования, поскольку в округе грантовая поддержка «на приобретение техники, покупку материала для строительства и благоустройства жилья оказывается только общинникам». Переоформить хозяйство как СРО пока не получается, однако сестры Вера и Ольга Варницины планируют зарегистрировать новую общину, чтобы «арендовать пастбища и купить оленей у КФХ», «выйти на агростарт как вновь открывающемуся предприятию» (получить стартовую финансовую поддержку) и иметь возможность подавать заявки на гранты. Есть еще одна большая проблема, которую самим колгуевским оленеводам не решить. Оказалось, что после массового падежа около 500 оленей выжили. Обнаружили их случайно немецкие орнитологи, запускавшие дроны для своих исследований.

«Отбившихся оленей сразу не обнаружили. Была информация, что вообще оленей на острове не осталось. А потом увидели следы. Если бы тот кусок стада сразу собрали и стали окарауливать, они бы не стали дикими. Но у нас тогда не было ездовых оленей, а техники они боятся» [ПМА, Колгуев, 2024, О.И. Варницына].

Несколько лет потерянное стадо выпасалось само по себе, бесконтрольно передвигаясь по пастбищам. Сейчас это настоящая «дикая дивизия», численность которой по разным подсчетам достигала уже трех-пяти тысяч голов. Во-первых, одичавшее стадо представляет угрозу, поскольку легко может отбить и увести домашних оленей. Во-вторых, столь быстрый рост поголовья может привести к перевыпасу и к новому падежу. Время от времени оленеводы отлавливают по нескольку оленей арканами, чтобы заново приучить. Но взять стадо «в руки» (под контроль) сложно: «необходимо несколько лет постоянно ходить с ними по маршруту, прикармливая и приучая к человеку, т.е. круглогодично жить в тундре» [ПМА, Колгуев, 2024].

«Под контролем у нас более 120 оленей. Часть весной убежала, с диким стадом смешалась. Дикое, наверное, уже больше трех тысяч... Они куда захотели, туда и идут. Были на западе, ближе к Песчано-Озерскому месторождению... Теперь уже переходят на нашу сторону, надо бить тревогу... Не дай бог, опять начнется падеж» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

«С 2018 г. просчета оленей на Колгуеве не проводилось. Осенью, когда олени слабые, пастухи на снегоходах вылавливают по нескольку голов. Снегоходная техника старая. Нет запчастей, бензин стоит 120 рублей за литр, и его нет. И скоро грядет время, когда олени остатки острова доедят и снова сдохнут» [ПМА, Колгуев, 2024].

Отстрел оленей из одичавшего стада оленеводы ведут исключительно для своих нужд, поскольку массовый забой должен производиться на сертифицированных условиях, т.е. поголовье должно быть привито. Проводить забойную компанию попросту негде: «убойный пункт, отремонтированный в 2014 г., за десять лет был растащен местными жителями».

«Желание восстановить колгуевское стадо оленеводы имеют, но никому это больше не надо. Это не надо государству, это не надо округу. Забить одичавших оленей, мясом которых мог бы кормиться тот же поселок, оленеводы не могут, потому что олени не привиты» [ПМА, Колгуев, 2024].

В сегодняшней ситуации колгуевским оленеводам необходима государственная поддержка. Однако помощи от государства и недропользователей практически нет. Даже получить ГСМ у нефтяников (по соглашению с округом, это 4 тонны газолина) из-за бумажной волокиты и бюрократических разборок непросто. «Дать бензинчику» оленеводам, получив взамен мясо оленя, как это было в советское время, невозможно: «дисциплина на нефтеобъектах жесткая, везде камеры».

В целом, события после падежа 2014 г. привели, с одной стороны, к усилению «осадного сознания» и недоверия к внешнему миру, с другой — к переосмыслению роли оленеводства в жизни сообщества и к поиску новых форм хозяйственной деятельности, а также к росту интереса к традиционной культуре как способу сохранения идентичности (двоюродный брат Веры и Ольги Варницыных настоял на возрождении одного из колгуевских святилищ и установке на летнем стойбище чума, которого дети оленеводов никогда прежде не видели). Падеж оленей на Колгуеве продемонстрировал, с одной стороны, уязвимость традиционного хозяйства в современных условиях, с другой — устойчивость островной культуры. Несмотря на затяжной кризис, сообщество показало способность к адаптации и поиску новых путей развития. Конечно, Колгуев в скором будущем, как и в округ в целом, столкнется с проблемой нехватки кадров в оленеводческой отрасли. Из молодежи в оленеводстве планирует остаться только тринадцатилетний Афанасий Варницын. У него уже есть свои олени и упряжка, «он чувствует оленя, понимает все тонкости кочевания», он — главная надежда колгуевцев, считающих, что «без оленей остров станет пустыней».

Тундровые и поселковые: противостояние

Кроме конфликта между оленеводами КФХ и СРО на острове очевидно противостояние между тундровыми ненцами и жителями Бугрино. В какой-то степени оно было спровоцировано административными преобразования постсоветского периода, когда полномочия администрации муниципального образования «Колгуевский сельский совет» стали распространяться исключительно на территорию поселения. Даже День оленя «стали проводить отдельно для тундровиков и поселковых». Ключевую роль в усугублении конфликта сыграли личные интересы. До падежа 2014 г. практически «у каждой семьи в совхозном стаде выпасалось от 2–3 до 20 оленей». Сейчас поселок попросту остался без своего мяса. Оленей из одичавшего стада пастухи «на еду, конечно, бьют, но обеспечить могут только себя и своих родственников» (догнать дикаря не просто!).

«В поселке не любят оленеводов. Поселок, как и тундра, всегда жил на мясе, а не на морской рыбе. У каждой семьи было немного оленей. Понемногу, но тем не менее... После падежа оленеводы-то мясо едят, а остальные-то нет. Привезут 2–3 туши, кому-то втихаря продадут, а остальные без мяса. Продукты в магазинах очень дорогие — и до седьмого колена “Будь ты проклят!”» [ПМА, Колгуев, 2024].

В Бугрино, как в других российских северных поселках, проблем хватает. Главная беда — безработица. Рабочие места ограничены бюджетной сферой (поселковый совет, ЖКХ, ФАП, ДК, начальная школа, детский сад). Поселок живет за счет пенсий, детских пособий и натурального

хозяйства. Это отнюдь не выращивание овощей («пробовали, но у нас на острове ничего не растет»), а сбор яиц водоплавающих птиц и дикоросов, «примитивный рыбопромысел, так — сеточки, удочки, катеров или карбасов, чтобы выехать в море, нет».

«Пенсии и зарплаты здесь хорошие. Но живут натуральным хозяйством. Колгуев — это гусиное царство. Каждая семья весной собирает по 500–700 яиц. Летом заготовка морошки (ягода соленая, вкусная!)» [ПМА, Колгуев, 2024].

Раз в год в ходе морской навигации в Бугрино завозят топливо и товары первой необходимости. Крайне нерегулярно вертолетами из Нарьян-Мара в два поселковых магазина «доставляются продукты с материка», «цены неподъемные». При крайне слабом снабжении возникают конфликты даже из-за заказа оленеводами хлеба в местной пекарне («поселковые возмущаются, что мол оленеводы заказывают по двадцать буханок, хотя сами на выходные берут по пять и по семь»). Сам поселок выглядит весьма плачевно. Жилфонд давно исчерпал себя: 80 % жилья не подлежит ремонту. Школа, которую ждали почти двадцать лет, «стоит посреди поселка как памятник недобросовестному подрядчику». До строительства очистного сооружения воду очень плохого качества «получали с дамбы или заготавливали лед». Главный вид транспорта — передвигающаяся по деревянным мосткам «колгуевская тележка» с колесами из найденных на побережье пластиковых поплавков (рис. 6, 7).

«Пекарню построили... Округ и район пытаются с теми же домами помочь. Но строительные компании сюда не заходят, мешают транспортная составляющая, логистика, да и сама почва (везде болото, все по мосткам!). Недостроенную школу растащили, остался только железный каркас. Дети ютятся в бывшем здании сельского совета» [ПМА, Колгуев, 2024].

Тем не менее коренные колгуевцы не стремятся покидать остров[2]. Колгуев для них — «больше, чем для малая родина».

«Проблем в поселке много, но люди там счастливы, потому что это их остров. У них менталитет островных людей. Особая каста! Пусть нет канализации, нет воды, нет транспортного сообщения. Они уверены, что над Колгуевым летает самолет, который сбрасывает какой-то порошок, а дырки в земле сверлят и нефть добывают, чтобы остров утонул. У колгуевцев вечный страх, что их выселят с острова. Этот страх заложен в них генетически» [ПМА, Колгуев, 2024].

Рис. 6. Поселок Бугрино (вид с вертолета). 2024 г. Фото Е.В. Переваловой.
Fig. 6. Bugrino village (helicopter view). 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Рис. 7. «Колгуевская тележка». Бугрино. 2024 г. Фото Т.С. Киссер.
Fig. 7. «Kolguevskaya cart». Bugrino. 2024. Photo by T.S. Kisser.

Итак, колгуевские ненцы представляют собой обособленную группу, сформировавшуюся в результате миграций с материка во второй половине XVIII — XIX в. Их история и культура тесно связаны с оленеводством, которое на протяжении веков оставалось основой жизнедеятельности. Группа отличается от материковых ненцев рядом особенностей, сложившимся благодаря изолированному островному существованию и специфическими условиями среды. Изолированность сформировала особую островную ментальность колгуевских ненцев, характеризующуюся:

[2] Согласно данным Всесоюзных переписей, в 2002 г. численность населения составляла 400 чел., в 2010 г. — 424 чел., в 2020 г. — 432. Отток населения происходит в основном за счет молодежи и нененецкого населения.

— *замкнутостью и консерватизмом.* Несмотря на то что большинство представителей коренного населения не носит и не шьет ненецкую одежду, языком общения выступает русский и к возрождению ненецкого языка и культуры многие относятся скептически, ограниченный контакт с внешним миром в определенной степени способствует сохранению традиционных укладов и ценностей, способствует обособлению группы;

— *привязанностью к родной земле.* Стремление сохранить первозданный облик острова с его природой и ресурсами глубоко укоренены в сознании колгуевцев. Колгуев — не просто место проживания, а неотъемлемая часть их идентичности («страх потерять свой остров»);

— *особым отношением к оленям.* Олени — источник существования; падеж оленей воспринимается не только как экономическая, но и как культурная и духовная трагедия («остров без оленей — пустыня»);

— *высокой степенью взаимозависимости группы и ее зависимости от внешнего мира.* В условиях жесткой борьбы за выживание взаимопомощь и коллективизм внутри сообщества приобретают первостепенное значение. Семья и родственные связи играют ключевую роль в обеспечении безопасности. Однако из-за ограничения доступа к ресурсам остро проявляются «клановые» разногласия и противоречия между тундрой (оленеводами) и поселком (жителями Бугрино).

Опыт колгуевских ненцев показывает, что сохранение этнической идентичности в условиях глобализации требует не только поддержания традиционных практик, но и гибкого реагирования на новые вызовы. Ментальность при этом может выступать как ресурсом устойчивости, так и фактором, затрудняющим понимание и принятие необходимых перемен.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг., проект «Коренные малочисленные народы: обновление этничности» (рук. А.В. Головнев).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.

Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

Головнев А.В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

Давыдов А.Н. Этнохабитат на краю Ойкумены: Ненцы острова Колгуев // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Стратегия, 2006. С. 34–60.

Есипов В.К. Остров Колгуев // В.К. Есипов, Н.В. Пинегин. Острова Советской Арктики. Новая Земля — Вайгач — Колгуев — Земля Франса-Иосифа. Архангельск: Севкрайгиз, 1933. С. 89–96.

Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России: Архангельская губерния. Пг., 1919. 296 с.

Карапетова И.А. Этнокультурные изменения у колгуевских ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 247–253.

Козмин Н.Д. Остров Колгуев и его обитатели: (К вопросу о необходимости открытия школы для самоедов). Отдельный оттиск из журн. «Церковные ведомости» за 1903 год. СПб.: Синодальная типография, 1913. 17 с.

Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1853. Ч. I. 154 с.; Ч. II. 143 с.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. IV: Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1805. 458 с.

Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах. М.: ОГИЗ, 1948. 334 с.

Максимов С. Год на Севере. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1984. 607 с.

Михайлова Г.В. Основы жизни ненцев арктического острова Колгуев // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 144–150.

Перфильев И.А. Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве // Северное хозяйство. Архангельск, 1928a. № 1–2. С. 3–12; 1928b. № 10–12.

Подэкрат А.Г. Оленеводство острова Колгуев // Ненецкое оленеводство: География, этнография, лингвистика. СПб: МАЭ РАН, 2018. С. 25–56. (Сер. «Кунсткамера — Архив; Т. VIII).

Солнцев Н.А. Остров Колгуев: (Физико-географический очерк) // Учен. записки МГУ. 1938. Вып. XIV. С. 205–271.

Тревор-Бетти О. Во льдах и снега: (Путешествие на Колгуев) / Пер. с англ. А. Филиппова. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. 214 с.

Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 339 с.

Шульга И.А. Лето на Колгуеве // Землеведение. М., 1909. Т. XVI. Кн. I–II. С. 13–66.

Saweliew A.S. Die Insekolgujen Archiv fur wissenschaltiche Zunde von… Zehunter Band. Berlin, 1852.

ИСТОЧНИКИ

Архив МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1: Вербов Г.Д. Полевые материалы и научные труды (1829–1941). Д. 130: Оленеводство у ненцев. 1938. 42 л.

АО АА НАО — Архивный отдел Аппарата администрации НАО. Ф. № Р-112. Оп. 1: Совхоз «Колгуевский». Планы, отчеты, штаты. Д. 4, 7–9, 34.

Михневич Ю. Северные олени Колгуева // Элементы. 10.08.2020. URL: https://elementy.ru/kartinka_dnya/1203/Severnye_oleni_Kolgueva?ysclid=ltjqxa8tz9247721618 (дата обращения: 17.01.2025).

Причинами массового падежа оленей на о. Колгуев стали избыток поголовья и недостаток пастбищ // Няръянавындер: Общественно-политическая газета Ненецкого АО. 14 апр. 2014. URL: https://nvinder.ru/news/2997-prichinami-massovogo-padezha-oleney-na-okolguev-stali-izbytok-pogolovya-i-nedostatok (дата обращения: 17.01.2025).

Чистякова А. Почему в НАО массово гибнут олени // Экономика Северо-Запада. Российская газета. № 16842 (271). 1 дек. 2015. URL: https://thehrd.ru/articles/2682/?ysclid=lrcj183y76629164077 (дата обращения: 17.01.2025).

Perevalova E.V. *, Kisser T.S.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstcamera) of the RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru (Perevalova E.V.); tkisser@bk.ru (Kisser T.S.)

The Kolguev Nenets: island mentality and the crisis of reindeer herding

The Kolguev Nenets are a distinct group that formed in the result of migrations from the mainland into the island in the second half of the 18th — 19th century. Their history and culture are closely linked to reindeer herding. The Pomor-Samoyed colonization of the Kolguyev Island, where the Pomors were the masters of the sea and the Samoyeds were the masters of the tundra, can be called a mutually beneficial “partnership” development. The economic transformations of the Soviet and post-Soviet periods contributed to the strengthening of the “island” mentality of the Kolguev Nenets. The mass mortality of reindeer in 2014 demonstrated the vulnerability of traditional economy and the resilience of the island culture. On the one hand, the crisis led to an increase in the “siege mentality” and mistrust of the outside world (the prevailing opinion about the deliberate poisoning of reindeer), on the other hand, it prompted rethinking of the role of reindeer herding and a search for new forms of management (the creation of the peasant farm “Ӈerm” and the SRO “Saldy”). The mentality of the Kolguev Nenets is characterized by isolation and conservatism, attachment to their native land (“fear of losing their island”), a special attitude to reindeer (“an island without reindeer is a desert”), a high degree of interdependence of the group and its dependence on the outside world. In circumstances of limited access to resources, family plays a key role in ensuring security; at the same time, “clan” disagreements and contradictions between the tundra (reindeer herders) and the village (residents of the village of Bugrino) have become acutely evident.

Keywords: Nenets (Samoyeds), Kolguev Island, reindeer herding, mentality, tradition.

REFERENCES

Davydov, A.N. (2006). Ethnohabitat on the edge of the Oikumene: Nenets of Kolguev Island. In: *Mezhetnicheskiye vzaimodeystviya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya narodov Severa Rossii.* Moscow, 34–60. (Rus.).

Esipov, V.K. (1933). Kolguev Island. In: V.K. Esipov, N.V. Pinegin. *Ostrova Sovetskoy Arktiki. Novaya Zemlya — Vaygach — Kolguyev — Zemlya Fransa-Iosifa.* Arkhangel'sk: Sevkraygiz, 89–96. (Rus.).

Golovnev, A.V. (2009). *Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)*. Ekaterinburg: UrO RAN; Volot. (Rus.).

Golovnev, A.V. (2015). *The Phenomenon of Colonization*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).

Golovnev, A.V. (2022). *Northernness of Russia*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Karapetova, I.A. (1990). Ethnocultural changes among the Kolguev Nenets. In: *Problemy izucheniya istoriko-kul'turnoy sredy Arktiki.* Moscow, 247–253. (Rus.).

Khomich L.V. (1966). *Nenets: Historical and Ethnographic Essays*. Moscow; Leningrad: Nauka.

Latkin, V.N. (1853). *Diary of Vasily Nikolaevich Latkin, during a trip to Pechora in 1840 and 1843.* St. Petersburg. (Rus.).

Lepekhin, I.I. (1805). *Daily notes of the journey of Doctor and Academy of Sciences adjunct Ivan Lepekhin through various provinces of the Russian state. Part IV: Travels of Academician Ivan Lepekhin in 1772.* St. Petersburg. (Rus.).

Litke, F.P. (1948). *Four-time voyage to the Arctic Ocean on the military brig Novaya Zemlya in 1821–1824.* Moscow. (Rus.).

Maksimov, S. (1984). *A Year in the North.* Arkhangelsk. (Rus.).

Mikhailova G.V. (2015). Basics of life of the Nenets of the Arcticislandof Kolguev. *Arktika i Sever*, (21), 144–150. (Rus.).

* Corresponding author.

Podekrat, A.G. (2018). Reindeer herding on Kolguev Island. In: *Nenets reindeer herding: geography, ethnography, linguistics.* St. Petersburg. (Rus.).

Saweliew, A.S. (1852). *Die Insekolgujen Archiv fur wissenschaltiche Zunde von… Zehunter Band*. Berlin.

Shulga, I.A. (1909). Summer on Kolguyev. In: *Zemlevedenie*. T. 16. Kn. 1–2. 13–66. Moscow. (Rus.).

Solntsev, N.A. (1938). Kolguev Island (Physical and Geographical Essay). *Uchonyye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (14), 205–271. (Rus.).

Trevor-Betty, O. (1897). *In Ice and Snow: (Journey to Kolguyev).* St. Petersburg. (Rus.).

Vasiliev, V.I. (1979). *Problems of the Formation of the Northern Samoyedic Peoples*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Zhilinsky, A.A. (1919). *The Far North of European Russia: Arkhangelsk Province*. Petrograd. (Rus.).

Перевалова Е.В., https://orcid.org/0000-0002-9480-715X
Киссер Т.С., https://orcid.org/0000-0001-9246-2787

Сведения об авторах:

Перевалова Елена Валерьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Киссер Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-организационной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

About the authors:

Perevalova, E.V., Doctor of Historial Sciences, Chief Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.

Kisser, T.S., PhD, Deputy Director for Scientific and Organizational Work, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 09.06.2025
Article is published: 15.09.2025